

²⁷ Там же. С. 201-211.

²⁸ Фрезер Дж. Дж. Указ. соч. С. 39.

²⁹ Гемуев И. Н. Мировоззрение манси. Дом и космос. М., 1990. С. 113.

³⁰ Чеснов Я. В. Указ. соч. С. 221.

³¹ Шинкарев В. Н. Представление нага о жизненных силах (к проблеме субстанционального элемента анимистических верований) // СЭ. 1988. № 1. С. 40-49.

³² Маретина С. А. О культе камней у нага // Религия и мифология народов Восточной и Южной Азии. М., 1970. С. 185.

³³ Чернецов В. Н. Представление о душе у обских угров // ТИЭ. Новая серия. М., 1959. Т. 51. С. 137.

³⁴ Зенько А. П. Представление о сверхъестественном в традиционном мировоззрении обских угров: структура и вариантность. Новосибирск, 1997. С. 71.

³⁵ Гемуев И. Н. Указ. соч. С. 125.

³⁶ Там же. С. 113.

³⁷ Чеснов Я. В. Историческая этнография стран Индокитая. М., 1990. С. 226.

³⁸ Таксмани Ч. Н. Шаманство у нивхов // Проблемы истории общественного сознания у аборигенов Сибири. Л., 1981. С. 171-172.

А. Г. Еманов
(Тюмень)

ХРИСТИАНСТВО И РУССКАЯ ИСТОРИЯ

Хотим мы того, или не хотим, но осью мировой истории является рождение Иисуса Христа. Мысль К. Ясперса о том, что такой осью мог бы стать V в. до н. э., когда жили почти одновременно Сократ, Будда и Конфуций, останется не более, чем интеллектуальным изыском, который разделят немногие. А вот мысль несправедливо забытого монаха Дионисия Малого, полускифа-полугрека (VI в. н. э.), исчислившего год рождения Христа и установившего новое летоисчисление, пережила два тысячелетия и, пожалуй, переживет еще не одно. Попытки отодвинуть дату рождения Христа на 5-6 лет назад, основываясь на расчетах движения кометы Галлея, упомянутой в образе «Вифлеемской звезды» в Евангелиях, не меняет существа дела: рож-

дение Иисуса Христа дало начало новой эпохе человеческой истории. И сегодня такого порядка хронологии придерживаются не только в христианском мире, но и в мусульманских странах Востока, достаточно назвать Турцию, страны Кавказа и Средней Азии; такого же летоисчисления придерживаются и в самых развитых странах Тихоокеанского региона, составляющих четыре Дракона Востока — в Японии, Южной Корее, Гонконге и Сингапуре.

Об Иисусе Христе, основателе христианства, мы знаем много и ничего. Похоже, нам не суждено узнать подлинное имя этого религиозного реформатора. «Иисус» — прозвище, обозначающее «Спаситель», которого удостоивались очень многие и которое предписывалось пророчествами Ветхого Завета. «Христос» — прозвище, обозначающее «Помазанник»; и оно появилось, пожалуй, в последние часы существования реформатора, когда иудеи надели на его голову издевательскую корону из терний и совершали травестийное «помазание» мочой. Его ближайшее окружение пользовалось простым обращением — «Учитель». Сегодня мы определенно можем утверждать, что родным языком Христа был арамейский, но не древнееврейский. Текстологическое изучение Евангелий последних лет позволяет отделить мифологические и риторические наслоения II-IV в. н. э. и реконструировать некоторые черты реальной биографии Иисуса: он был не простым с точки зрения социальной адаптации ребенком, убегал из дома, общался с маргиналами, не желал учиться ремеслу отца.

О христианстве еще труднее вынести простое и понятное суждение. Хотя отмечалось его 2000-летие, приходится признать, что оно имело как минимум тысячелетнюю предысторию и еще две тысячи лет последующего выкристаллизовывания, и едва ли этот процесс завершился на сегодняшний день. Действительно, христианство вобрало в себя идеи древнеегипетской религиозности, в частности, идеи воскресения, непорочного зачатия, неприемлемые для иудеев, загробного воздаяния, умирающего и воскресающего бога и некоторые другие; христианство ассимилировало идеи индоарийской религиозности, к примеру, идеи обожаения или вочеловечивания божества, просветления, самопожертвования Бога и др.; христианство унаследовало традиции неор-

тодоксальной, оппозиционной религиозности внутри иудаизма, идущие от учений терапевтов, zelотов, ессеев и др. Догматы собственно христианства формировались на протяжении столетий, проходя сложный процесс канонизации.

Историческая роль христианства чаще оценивалась негативно в позитивистски ориентированной и рациоцентристской историографии. Критику христианства начали еще деятели культуры Возрождения, продолжали и значительно усилили Просветители; однако самую уничтожающую критику дали не они и даже не К. Маркс и Ф. Энгельс, а нигилист Ф. Ницше. Стоит только вспомнить самую скандальную мистификацию XIX в. — памфлет «Антихристианин», подписанный от имени Антихриста и принадлежащий перу Ницше. Он называл христианство извращенным учением, губительным для человечества, поскольку оно вместо силы проповедовало слабость, вместо гордости и достоинства призывало к смирению и покаянию, вместо радости и наслаждения жизнью пропагандировало аскетичность и умерщвление плоти. Но нельзя забывать, чем расплатился великий пересмешник — лишением рассудка.

Сегодня мы должны признать непреходящее значение христианства в истории человечества. Именно христианство положило конец языческим жертвоприношениям, и человеческим, и животным. Иисус Христос стал последней жертвой уходящей языческой эпохи. Христианство впервые осознало исключительное своеобразие человека в природном мире: человек есть образ и подобие Бога. Языческая культура по существу растворяла человека в природном мире; отсюда все невероятные извращения времени, которые попросту игнорировались в атеистической историографии. Человек есть икона Бога, без различия пола, социального или этнического состояний. Христианство впервые утвердило эгалитарный взгляд на варвара и раба, которым языческая культура отказывала в праве называться людьми; с точки зрения язычника, варвар — животное, живущее дикими инстинктами и потому нуждающееся в деспотическом принуждении; для язычника раб — говорящее орудие (*machina vocalis*), не способное к самостоятельным разумным поступкам и потому подчиненное господину. Христианство впервые признало человека в женщине; до сих пор женщина воспринималась в терминах вещного

права; для греков демократических Афин женщина — ойкурема, т. е. «вещь в доме мужа», для гражданина Римской республики женщина относилась к *res mancipi*, т. е. к вещам, отчуждение которых требовало ритуала манципации, прикосновения рукой (отсюда «эмансипация» как высвобождение из-под руки мужа). Христианство впервые дало моральную реабилитацию труду, самому тяжелому, грубому физическому, грязному; в античном обществе, в особенности в конце его существования, труд оценивался негативно; даже читать и писать стало считаться недостойным господина, и чтением и письмом занимались по повелению господина рабы; отсюда тотальная безграмотность поздней Римской империи. Христианство же стало рассматривать труд как особую форму аскезы, очищения, посредством которого человек очищался от первородного греха. Христианство впервые обратилось к внутреннему духовному миру человека. Отцы церкви имели все основания высмеивать мудрецов древности, Сократа, Платона, Аристотеля, за их ложное многознание, за их бесконечные рассуждения об устройстве космоса и полное невежество в вопросах человеческой души, полное незнание о своем внутреннем духовном мире. Только в патристике, в трудах отцов церкви впервые встречаются понятия для обозначения этого внутреннего мира человека. Парадоксально, но античная культура не знала понятий «совесть», «грех» и многих других. Античная культура была фатально бессовестной, не ведающей греха, и потому чудовищно извращенной.

Православие, или восточная христианская, церковь представляет собой отдельное историческое явление, которому в славянском язычестве не было альтернативы. Если в других формах язычества — индоарийском, китайском и даже южно-американском — возникали течения, отходившие от жертвоприношений, то в славянском язычестве подобных течений, насколько известно, не было; славянство без христианской идеи было обречено на уничтожение в качестве жертв до 1/3 своих собратьев. Своеобразие православия обозначилось уже в IV в. н. э., когда решался вопрос о первой догме — триединстве Бога. На Западе был без всякого оспаривания принят принцип «омоусиа», т. е. равносущности Бога-Отца и Бога-Сына. На Востоке, хотя этот принцип и был принят, сомневались в равенстве Бога-Отца и Бога-

Сына, на Востоке признавалось верховенство Отца над Сыном. Это догматическое разногласие предопределило различную политическую организацию на Западе и Востоке, поскольку земной порядок считался отражением порядка небесного: на Западе установилась диархия, т. е. двоевластие, с одной стороны, власть Римского папы, с другой стороны, власть светского правителя, императора; на Востоке же догматический монизм, признание верховенства Бога-Отца, обусловил монизм государственный, безусловную верховную власть самодержца. Самодержец на Востоке был по сути главой церкви: он созывал церковные соборы, председательствовал на них, рекомендовал к избранию кандидатуру патриарха, мог менять церковное устройство и даже религиозное учение. Так действовали императоры Византии, так действовали и русские великие князья и цари. Алексей Михайлович определял кандидатуры российских патриархов, проводил церковную реформу. Петр Алексеевич вообще упразднил патриархию, введя синодальное управление и чиновничью должность местоблюстителя патриаршего престола, и повел жестокое преследование старообрядцев.

Однако усиление государственного начала в православном мире, в том числе и русском, не следует преувеличивать. Либеральные, лучше сказать псевдолиберальные, историки любят порицать славянский этатизм. Но нельзя забывать, что именно этот «этатизм» спас славян и русских от внешней экспансии, от криминальной стихии и анархии. К тому же, этот «этатизм» при специальном рассмотрении оказывается уникальной «народной монархией», в которой монарх правит до тех пор, пока он действует в согласии с народом. Император в Византии, как и государь в России, был императором «милостью Божией», однако он получал эту милость не прямо от Бога, а посредством волеизъявления народа. Считалось, что, если народ различных вер и наречий приходит к единому мнению о кандидатуре государя, то это мнение внушено свыше, т. е. Богом. Византийский император по существу был выборным лицом, который избирался народом, или частью его в лице армии, иногда гвардии. Поэтому императором в Византии мог стать любой — славянин, грек, армянин, сириец, любого социального происхождения — солдат, крестьянин, монах, торговец в мясной лавке и т. д. Поэтому в Византии народ

мог и судить действия государя, мог низлагать его и даже казнить. Такое же положение имел государь и в России. Даже при существовании династий Рюриковичей и Романовых нельзя отрицать факта выборности правителей Руси и России. Выборными царями были Василий Шуйский, Борис Годунов, Михаил Романов; по существу выборными были Елизавета Петровна, Анна Иоановна, Анна Леопольдовна, Екатерина II, хотя в их выборах участвовали не весь народ, но часть его в виде двора, армии и гвардии. Так же как в Византии, на российском престоле могли оказаться люди любого этнического и социального положения — мещанка Екатерина I, поляк Владислав, немки Анны и Екатерина II и т. д. Так же как в Византии, русский народ считал себя вправе судить государей, как это произошло с Лжедмитриями и Николаем II.

Помимо признания верховенства Бога-Отца, нашего нового подтверждение в споре о *filioque* (IX в.), для православия свойственен больший демократизм в церковной организации и богослужебной практике; в православии не преследовалась автокефалия, т. е. самоуправление и автономия церквей, возможна выборность низового священства, допустимо бракосочетание черного монашества, приемлема евхаристия хлебом и вином как для священников, так и для мирян; позволительно богослужение на национальных языках и пр.

Православие иначе ориентировано, нежели католичество. Оно более направлено к духовным ценностям, к глубинному постижению существа веры, но не к прагматическим интересам, как католичество. Поэтому православие остается константным, в то время как католичество непрерывно деградирует. Проявлением распада католичества служит профанирование и банализация всех основных идей христианства: собственность стала рассматриваться как дар Божий, а успех стал считаться показателем предызбранности Богом; свободная воля стала абсолютизироваться до признания права человека судить другого и самого себя, вплоть до самоубийства. Отсюда превознесение на Западе тех псевдогероев, которые достигли успеха любой ценой, коррупцией, криминальным бизнесом, проституированием и пр. Отсюда спокойное отношение к повседневному применению оружия, к евгенике, суициду, эвтаназии. Не случайно мировым лидером по насиль-

ственным убийствам остаются США, а по самоубийствам первой страной оказывается самая преуспевающая страна Запада — Дания. Суд над другим и самоубийство неприемлемы в православии, они считаются самым тяжким, не знающим прощения грехом. Проявлением распада католичества является отделение от него все новых и новых протестантских толков, все далее отдаляющихся от христианства; если в XIX в. было всего четыре течения протестантизма, то в XX в. их стало несколько сотен.

Православие многократно превосходит другие направления христианства своим духовным кругозором, своей способностью вместить безграничное число иных культур. Большая духовность православия проступает уже в опыте перевода Священного Писания на славянский язык. Стоит только обратить внимание на некоторые ключевые понятия христианства. Например, понятие «Крещение» происходит от слова «Крест», и, стало быть, крещение осознавалось как принятие крестной муки, распятия на кресте; характерно, что в России до 1917 г. 95% населения идентифицировало себя с «крестьянами», т. е. «людьми креста»; отсюда столь удивительное для России долготерпение народа, терпеливое перенесение крестных страданий. В греческом и латинском языках смысл этого понятия передавался гораздо проще и конкретнее: «Baptisma», т. е. купание, омовение. Понятие «Воскресение» происходит от древнеславянского слова «кресити», т. е. получать огонь с помощью кремня и кресала; отсюда становится понятным метод борьбы старообрядцев с самодержавием в виде самосожжения. В греческом языке это же понятие передавалось лишенным глубинного смысла словом *anastasis*, т. е. «восстание». Понятие «Преображение» производно от слова «образ», обозначало восхождение к высшему образу, первообразу. В греческом языке оно передавалось словом *metamorfosis*, т. е. превращение, гораздо brutальнее, а в латинском языке — словом *transfiguratio*, т. е. переход одной геометрической фигуры в другую, еще более плоско. В православии, прежде всего русском, сложился культ перевода, что подняло духовное знание на недостижимую высоту. Западные богословы не в состоянии были выразить в латинском языке глубины православной духовности. Достаточно сказать, что новомодное учение К. Г. Юнга об архетипах оказывается сниженной трансляцией православного учения о первообразе

(греч. *Archetypos*), разработанного еще в IX в. Совершенно иной характер имело православное миссионерство: Стефан Пермский, прежде чем проповедовать среди коми и пермяков, изучил их язык настолько, что мог составить азбуку коми; Иннокентий проповедовал в Америке на языке индейцев; Николай в Японии учил христианству по-японски. Ничего подобного никогда не придерживались проповедники западного христианства; католики учили догматам христианства по-латински независимо от того, где они действовали; современные американские проповедники передают идеи христианского учения на скверном американском слэнге.

В истории русского православия можно выделить, с достаточной степенью условности, несколько эпох: эпоха Киевской Руси, когда складывался мир славянского православия (*Slavia orthodoxa*), обладавший общим церковнославянским языком, общей письменностью, основанной на кириллице, общей церковной организацией и богослужебной практикой; в это время преобладал южный вектор духовных и интеллектуальных сил; эпоха монголо-татарского господства, когда разрушалось культурное единство славянского мира; по мнению ряда историков, например, Г. С. Лебедева¹, в это время Русь разделилась на два региона — один включал западно-русские земли в центре с Киевом, Новгородом, Псковом («Скандовизантия»), и в нем преобладали традиции демократии, выборности, свобод; этот регион тяготел к странам Запада, к некоему «Атлантическому единству»; второй включал восточно-русские земли («Славянотюркика»), в нем утверждались традиции деспотизма, военной силы; это давнее разделение стало вновь трагически ощущаться в конце XX в.; эпоха Московской Руси, когда началось продвижение за Волгу, на Урал, в Сибирь, на Дальний Восток; в это время обнаруживалось доминирование азиатского вектора культурных сил; влияние Востока сказалось сильнее в политической области, в военном деле, развитии коммуникаций, отчасти в экономике и даже в быту, языке повседневности, эстетических вкусах, но при этом сохранялась православная вера, спасшая Россию от ассимиляции с Востоком; XVII в. представляет собой «мягкую вестернизацию», когда начал проявляться западный вектор сил; XVIII в. ознаменовал «жесткую вестернизацию», осуществленную Петром I, но вызвавшую сильнейший протест крестьян-

янских масс в лице старообрядчества; XIX в. — нейтрализация восточного и западного векторов сил и утверждение восточнохристианского (православного) мира в центре с Россией как Собора автокефальных Сестер-Церквей Центральной и Юго-Восточной Европы, Кавказа, Средней Азии и Дальнего Востока; XX в. — попытка утверждения коммунизма как квазирелигии секулярного типа, закончившаяся неудачей.

В современную эпоху на православии лежит ответственность спасения русского и шире — славянского мира. Сегодня, согласно западным, якобы либеральным концепциям глобального мира и «золотого миллиарда»², славянские страны, в том числе и Россия, должны отказаться от неэффективного экономического развития, им должно быть запрещено расходовать планетарные ресурсы, ухудшать экологию; славянские страны должны смириться с тем, что они не выдержали свободной конкуренции, рыночного отбора и других конкурсных процедур, должны признать свое место среди стран II и III миров и занять положение поставщика сырья, дешевой рабочей силы и услуги; если же славянские страны не готовы «цивилизованно» подчиниться правилам навязанного США и НАТО конкурса, то в их отношении надлежит применять жесткие санкции. И эти санкции уже последовали в отношении Югославии. Пространства, занятые Югославией, по существу, отдаются под контроль Германии, доказавшей свое право на вхождение в «золотой миллиард»; ей же отдаются под контроль и другие славянские страны Центральной и Восточной Европы; подобными санкциями постоянно угрожают и России. Сегодня под лозунгами создания «открытого общества» ведется сильнейшее наступление на Россию, последний оплот православия. Заявляется, что государственные интересы, национальные суверенитеты, государственные границы являются архаикой, что патриотизм — страшный предрассудок. Политики и государственные деятели ведут себя безответственно, работая, по сути, на эту программу Запада. И в этой связи возможно повторение судьбы Византии.

Литература

¹ Лебедев Г. С. «Скандовизантия» и «славянотюркика» как координаты русского национального самосознания // Полярность в культуре. СПб., 1996.

² Панарин А. Глобальное всесмещение, или новая повесть об Антихристе // Ливадийские чтения: Тез. Б. М., 1999.

Г. Ш. Мавлютова

(Тюмень)

ФОРМЫ И МЕТОДЫ МИССИОНЕРСКОЙ РАБОТЫ НА СЕВЕРЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (XIX-XX вв.)

Действовавшие в Северо-Западной Сибири в XIX—начале XX вв. Обдорская, Кондинская и Сургутская миссии должны были обращать в христианство язычников, утверждать в вере обращенных аборигенов и их просвещать. Для этого миссионеры использовали различные способы и методы, в том числе — богослужения, беседы, проповеди.

Беседы с аборигенами проводились на родном для них языке, как правило, через толмача (переводчика). Толмачами были как русские, так и аборигены, знавшие русский язык. Но работа толмача не всегда устраивала миссионеров. Об этом они писали: «...что толмач, сколько бы не был способен и сведущ в знании инородческого языка, не всегда может вполне и точно передать мысли инородцам»¹. Во второй половине XIX в. среди миссионеров встречаются аборигены. Например, с 1888 по 1890 гг. в Обдорске служил на должности священника хант Владимир Чегаскин. Среди аборигенов появляются династии священнослужителей-миссионеров. С 1868 по 1874 гг. в Обдорской миссии работал Николай Герасимов, ненец из рода Югом-Пелик, выпускник Тобольской семинарии, куда попал по протекции миссионера Петра Александровича Попова, после окончания его школы в Обдорске². Его сын Василий Герасимов служил помощником настоятеля Обдорской миссии с 1894 по 1897 гг.³ Отдельные миссионеры владели языками аборигенов, но учитывая, что работать приходилось среди нескольких народов, а ханты и манси являлись носителями различных языковых диалектов и представители тех или иных групп сами не понимали друг друга, то овладеть всеми диалектами миссионеру было практически невозможно.